

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ РАБОТА МОЛОДОГО В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

Академик М. В. Нечкина

Первая монография В. О. Ключевского — «Сказания иностранцев о Московском государстве» — является «кандидатским сочинением», написанным в бытность историка студентом IV (последнего) курса Московского университета. Сочинение было представлено факультету в конце 1864/65 года «для получения степени кандидата по историко-филологическому факультету». Аттестат о получении этой первой ученой степени выдан Ключевскому 25 июня 1865 года. Степень кандидата присваивалась студентам, представлявшим письменную работу. Защиты кандидатских диссертаций в нашем понимании тогда не происходило.

По университетским правилам того времени студент, переходя на IV курс, мог выбирать кандидатскую тему и располагал для ее написания годичным сроком; таким образом, Ключевский мог потратить на свое первое исследование только один учебный год. Надо отметить, что он успел проделать огромнейшую работу, проявив чудеса трудоспособности. Сочинение было высоко оценено — его признали достойным к опубликованию в «Известиях Московского университета», где оно и появилось в следующем же, 1866 году. «Кроме Карпова, может быть стипендиатом кандидат Ключевский, представивший мне очень хорошее сочинение (Известия иностранцев о древней России)»¹, — писал министру народного просвещения С. М. Соловьев.

В бурные 60-е годы XIX в., кипевшие общественными событиями и борьбою идей, тема «Сказания иностранцев о Московском государстве» звучала довольно мирно и с первого взгляда казалась не имеющей никакого отношения к развернувшемуся столкновению общественных и научных течений. Но во время работы В. О. Ключевского над этой темой начался спад общественного движения, революционная ситуация исчерпала себя, так и не перейдя в революцию; вожди революционной борьбы были арестованы и осуждены, реформы вроде бы шли своим чередом, наступало явное затишье после открытой ожесточенной борьбы. «Сказания иностранцев» уводили в XV—XVII вв., они более всего говорили о быте и нравах далекого прошлого, древних дипломатах, тогдашних приемах в Кремле, географии и экономике давнего времени. Но если брать ту же тему в аспекте общественно-научного столкновения идей середины XIX в., когда жил, учился и самостоятельно работал над нею кончающий университет студент, вдуматься в причины самого возникновения темы, можно заметить, что она звучит по-западнически, а не по-славянофильски. Борьба между этими течениями в общественных науках того времени еще не потеряла своей остроты, хотя и велась преиму-

¹ Совет Московского университета утвердил В. О. Ключевского в ученой степени кандидата наук 10 июня 1865 г. (см. его формулярный список: ОИДР. «В. О. Ключевский». М. 1914, стр. 408). В отделе рукописных фондов Института истории СССР АН СССР хранятся некоторые черновые материалы этой работы Ключевского (ОРФ, ф. 4, оп 1, ед. хр. 95). Письмо С. М. Соловьева см.: ЦГИА, ф. 733, оп. 141, д. 92.

щественно в довольно узкой общественной сфере российского либерализма. Для более радикальных кругов это идейное столкновение отодвигалось другими общественными проблемами, поставленными русским социализмом и народническим движением. Но тем не менее работа Ключевского тесно связана с идейным движением его эпохи темой сравнения России и Запада. Вопрос об уровне их развития был тогда на первом плане не только у консерваторов и либералов, но и у революционных народников. На Западе уже давно не было крепостного права, в России же оно только что пало на глазах поколения Ключевского. Тема об отсталости страны и ее своеобразии по сравнению с другими являлась не только проблемой науки, но и вопросом мировоззрения. Таким образом, избранная Ключевским тема была внутренне связана как с его эпохой, так и с нуждами науки того времени. Работа молодого автора содержала множество интересных соображений и целое море новых фактов, отчетливо систематизированных и прекрасно изложенных.

Эта тема не была вполне новой в научной литературе. Записки иностранцев Барбаро, Контарини, Герберштейна, Ченслера, Поссевина, Горсея, Флетчера и других были в основном известны и использовались историками России задолго до сочинения Ключевского. Н. М. Карамзин основал целую главу своей «Истории государства Российского» на свидетельствах Герберштейна. С. М. Соловьев, учитель Ключевского, широко цитировал Дж. Флетчера, С. Герберштейна, А. Олеария, Дж. Горсея, ссылаясь на С. Коллинза, Дж. Маржерета и других авторов. Существовала и некоторая исследовательская литература о сказаниях иностранцев о России, которую надлежало учесть, избирая такую тему. Это приходится подчеркнуть, во-первых, потому, что историография вопроса отсутствует в работе самого Ключевского, а во-вторых, вследствие того, что неподготовленный читатель легко сочтет его первооткрывателем. В советской литературе уже высказывалось мнение, будто работа Ключевского — «первый и единственный труд» обобщающего характера о сказаниях иностранцев о России². Это, конечно, не так.

Крупнейшим предшественником В. О. Ключевского в этой области является С. Мейнерс, автор двухтомной немецкой работы, изданной в Лейпциге в 1798 г. и основанной на изучении свидетельств побывавших в России зарубежных путешественников. Это солидное исследование, открывающееся большим вводным отделом источниковедческого характера, который содержит перечень и критический анализ каждого привлекаемого источника; далее автор строит изложение (как и Ключевский) по отдельным проблемам. В первом томе Мейнерса в семи обширных отделах рассматриваются размеры и границы Российского государства, соседи России в XVI—XVII вв., климат страны, ее природные условия. Внешнему виду, общему облику русских и их представлениям о красоте человека отведен особый отдел; затем рассмотрены природные дарования, способности и образование населения, нравы и обычаи русских, вопрос о государственном управлении. Во втором томе изучаются сословия России, различие в их положении и правах, военное дело в Русском государстве, двор и придворный церемониал. Специальный очерк посвящен положению женщин, свадебным обычаям, бракам, разводам. Выделены темы о пище — яствах и питьях русских, о жилище и домашнем быте. Играм, забавам и увеселениям отведен особый очерк, тоже — русским законам и наказаниям. Вопрос о церкви и религии по сказаниям иностранцев завершает второй том. Замысел автора — всюду провести сравнение прежнего и нового положения России — выполнен, правда, далеко не во всех отделах работы, при этом усилено

² Э. Г. Чумаченко. Приемы работы В. О. Ключевского над сказаниями иностранцев о России XV—XVII вв. «Труды» Московского государственного архивного института. Т. 21. 1965, стр. 222.

внимание к древним временам. Труд Мейнерса снабжен большим аппаратом, в нем производится критическое сопоставление приводимых свидетельств, дано множество цитат изучаемых подлинников³.

Ключевский, как видно из его беглых и редких ссылок на Мейнерса, знаком с его работой, что не составило для него особого труда (он свободно читал по-немецки). Труд немецкого исследователя, несомненно, оказал Ключевскому существенную помощь. Но хотя принцип построения «Сказаний иностранцев» у Ключевского тоже тематический, а не источниковедческий (не по авторам записок и их рукописям и первопечатным текстам), в целом структура работы и освещение проблем у него свои, оригинальные.

Другим предшественником Ключевского, и весьма значительным в историографическом отношении, был Фридрих («Федор») Аделунг, исследователь, считавший Россию своей второй родиной и посвятивший всю жизнь изучению свидетельств иностранцев о ней. Он начал работать одновременно с Н. М. Карамзиным и в какой-то мере учитывал замысел последнего: Ф. Аделунг полагал, что Карамзин будет основываться на русских источниках, а он, Аделунг, параллельно будет освещать в основном ту же тематику по источникам иностранным. В этом отношении он считал свою работу связанной с трудом Карамзина. Титулу Аделунга принадлежит ряд работ по избранной проблеме. Смерть помешала ему довести до конца свой обширный замысел, задуманный в плане широких итоговых обобщений. Но многочисленные материалы, подготовленные им для этой работы, поражают объемом и выдающимся трудолюбием автора. Иждивением российского государственного канцлера Н. П. Румянцева они были в значительной мере изданы на немецком языке и удостоены в 1845 г. русской ученой награды — большой Демидовской премии. В 1848 г. Общество истории и древностей российских издало работу Аделунга в переводе А. Клеванова⁴. В труде Аделунга одно за другим по отдельности разобраны и охарактеризованы сказания иностранцев о России, в силу чего к этой огромной работе иногда применяется определение «библиографическая» сводка, что далеко не точно. Правильнее назвать ее источниковедческим исследованием. В тексте Аделунга рассматриваются вопросы о наличии и местах хранения рукописей иностранцев, приводятся многочисленные биографические данные о путешествовавших по России авторах «Записок», подробно анализируется содержание каждого отдельного памятника, причем запись об этом нередко перерастает из краткой аннотации в обширный очерк, не только «библиографического» характера. Особенно подробно разбираются труды выдающихся авторов (например, характеристика и разбор мемуаров К. Буссова занимает 40 страниц). Есть и краткие комментирующие тексты в тех случаях, когда вообще не было достаточно материала или работа Аделунга над данным автором осталась незавершенной⁵. Проявлен всюду интерес к источникам сведений мемуаристов. В случае сохранения подлинника анализируется даже почерк; бумага рукописного текста. Так, при изучении документального

³ C. Meiners. Vergleichung des ältern und neuen Russlandes in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner ihrer Cultur, Sitten, Lebensart und Gebräuche, so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber. Bd. I—II. Leipzig. 1798.

⁴ F. Adelnung. Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Bd. I—II. St. Petersburg. 1846; «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений Фридриха Аделунга». Увечено большою Демидовскою наградою. Перевод с немецкого Александра Клеванова. ЧОИДР. Кн. 9. М. 1848. Работе предпослано предисловие сына Аделунга — Николая.

⁵ «Обзор сборников, в конх встречаются древние путешествия по России». ЧОИДР, 1848, кн. 1, стр. 155 и сл.; кн. 2, стр. 204—221, 222—223, 226—227; 1863, кн. 3; кн. 4, стр. 96—97 и сл.; кн. 9, стр. 1 и сл., 26—66.

материала Антонио Поссевина (1581—1582 гг.) Аделунг останавливается на характере почерка полученных Поссевином грамот, на типе бумаги и особенностях шрифта. Труд Аделунга также был известен Ключевскому и цитировался им.

В русской научной литературе до работы В. О. Ключевского существовали уже монографические статьи об отдельных авторах «Сказаний иностранцев» — этот тип исследований появился вовсе не «после» выхода в свет работ Ключевского, как иногда полагают. Так, еще в 1818 г. вышла в свет работа И. Лобойко о Герберштейне, скромно названная им «извлечениями» из Аделунга, однако содержащая и ряд авторских выводов, чего нельзя, например, сказать о появившейся в 1845 г. публикации профессора Московского университета Ив. Снегирева «Об иностранных посланниках в России», которая является лишь переводом из записок принца Бухау⁶. Ю. Толстому принадлежат две специальные работы, вышедшие до сочинения В. О. Ключевского, — «Сказание англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия» (1859 г.) и «Флетчер и его книга «О Русском государстве при царе Федоре Иоанновиче» (1860 г.)⁷.

Все эти соображения ничуть не умаляют значения первой научной работы Ключевского, написанной в последний год студенчества, и никак не ставят под сомнение выбор им темы. Она была вполне законна и хорошо выбрана для начинающего ученого, ибо имела и специальную литературу и четко очерченный круг источников. Вместе с тем она была очень трудна: требовала непосредственного знакомства со сложными подлинниками на различных иностранных языках, в том числе латинском.

Отсутствие историографического освещения избранной темы — любопытная черта работы Ключевского. Она присуща его эпохе: большинство историков обходилось тогда без этого, может быть, считая само собою разумеющимся обязательное знакомство специалистов с литературой вопроса. Историографический подход к проблеме не был еще прочно усвоен и не вошел в научные традиции как обязательное требование. Не удивительно, что и Ключевский совсем не остановился на историографии темы, а ограничился тремя-четырьмя белыми и вполне частными ссылками на Мейнерса и Аделунга. Источниковедческая сторона вопроса также не оказалась в центре его внимания; тут можно допустить естественное объяснение: он, вероятно, счел эту сторону дела уже выполненной Аделунгом.

Стройная тематическая систематизация конкретных сведений, содержащихся в «Сказаниях иностранцев» о России, предстала перед молодым автором как первая очередная задача. Ключевский, видимо, немало бился над нею. Вчитываясь в страницы исследования, легко улавливаешь раздумья над критерием отбора материала по главам и колебания автора, особенно в середине работы. Главный «герой» повествования Ключевского — «наблюдательный европеец», впервые посещающий Московское государство и с любопытством схватывающий (со своих, конечно, позиций) черты новой, еще неизвестной ему страны. Повествование Ключевского ведется в этом ракурсе, это принято автором за композиционный стержень. Такой подход придает чрезвычайную свежесть и живость изложению. Вот «наблюдательный европеец», чаще всего посол, попадает в «пределы русского племени (!) и Москов-

⁶ И. Лобойко. О важнейших изданиях Герберштейна «Записок о России» с критическим обозрением их содержания. СПб. 1818; Ив. Снегирев. Об иностранных посланниках в России (из принца Бухау). «Журнал министерства народного просвещения». 1845. Т. 45, отд. II, стр. 45—56.

⁷ Ю. Толстой. Сказание англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия. «Отечественные записки», 1859, т. СХХVI (сентябрь), стр. 99—158; его же. Флетчер и его книга «О Русском государстве при царе Федоре Иоанновиче». «Библиотека для чтения», 1860, январь, стр. 35—44; февраль, стр. 45—74 (ср. «Современник», 1860, март, стр. 105—132).

ской государственной области» — это тема главы первой. Изложение отражает представления и новые впечатления вступающего в страну иностранца. Он въезжает в Московию, у него копятся впечатления о ней, они соединяются с ранее имевшимися сведениями, пополняя их и корректируя новыми данными. Прежние, почерпнутые из книг и устных рассказов бывалых людей, его предшественников, дополняются притоком новых наблюдений. Эта глава, как, впрочем, в основе своей и остальные, всецело построена на впечатлениях и утверждениях иноземных гостей, не содержит каких-либо сопоставлений и взаимных проверок с русскими источниками. Автор и не ставит перед собою задачи дать такие сопоставления. Вот наконец иноземец доехал до столицы, впервые увидел ее — начинается вторая глава исследования: «Прием иностранных послов в Москве». Сюда включаются и ближайšie, предшествующие приему впечатления и события, обобщающий итог трудностей проделанного пути и дорожного быта, самого въезда в Москву, встречи посла с высланными к нему представителями царского двора, народ на улицах. Далее, естественно, рассказано, как посольство расположилось на квартирах, как ожидало приема у царя, как, наконец, было принято. Изложение насыщено конкретно-зримыми образами. Московские необыкновенности и чудачества с точки зрения иностранцев раскрываются в своей сути и оказываются то проблемой государственного престижа, то целесообразностью, поясняемой историческим смыслом здешних обычаев.

Далее следуют три главы, систематизирующие дальнейшие впечатления, ежедневно получаемые иностранцем от московского столично-государственного быта. Это прежде всего «Государь и его двор» (гл. III), для общения с кем прибыл и где принимается иностранный посол. «Войско» (гл. IV), «Управление и судопроизводство» (гл. V) обобщают существенные для посла стороны государственной системы, а следующая глава — «Доходы казны» отвечает на вопрос, на какие средства существует все, только что перечисленное. Тут, собственно, и обрывается логически задуманная и последовательно проведенная линия единого образа посла-путешественника, едущего по России, приехавшего в Москву, принимаемого в столице, изучающего со своих позиций Москву и московскую государственную систему. Однако далее художественная композиция первых шести глав перестает вмещать скопленный автором конкретный материал. Новые темы требуют освещения, и дальнейшее изложение теряет основного «героя». Прервав прежнюю последовательность изложения, Ключевский как бы заново начинает систематизировать свой материал. Довольно неожиданно после рассмотренных тем — войско, управление, судопроизводство страны, доходы ее казны — следует глава VII «Вид страны и ее климат». Далее следует глава VIII «Почва и произведения»; это не совсем ясное заглавие касается того, что Ключевский в другом месте называет «материальными средствами страны» и что отчасти приобщается в нашем научном языке к понятию «производительные силы». Затем следуют главы «Народонаселение» (гл. IX), «Города» (гл. X), «Торговля» (гл. XI) и «Монета» (гл. XII и последняя). Никакого заключения, общих выводов в сочинении нет, фраза о медной монете, вошедшей в обращение наряду с другими нововведениями в денежной системе только в царствование Петра I, обрывает изложение. Новый критерий отражает явный интерес молодого Ключевского к экономической проблематике и говорит о внимании молодого автора к новым веяниям в исторической науке: хозяйственная жизнь страны берется как самостоятельная проблема.

Но в ярком конкретном повествовании о Московском государстве XV—XVII вв., сотканном из показаний иностранцев, молодой Ключевский встретился со множеством общих проблем истории России, отношение к которым выявляет его концепцию. Тут сказалось во многом и

воздействие историко-юридической школы. Проблема государства, государственная жизнь неизменно приковывают его внимание. Он следит за процессом развития государства, за постепенным усложнением аппарата государственного управления, отраженным в показаниях иностранцев, оперирует понятием «потребности государства». История «установления государства» — его критерий, «государственность» — основная сила; важно, как «государственное начало» делает успехи. В соответствии с концепцией своих учителей С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина Ключевский следит за переходом «от дружинного порядка к чисто-государственному»⁸. Прямые ссылки на С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина в этой ранней работе Ключевского достаточно выразительны: их не так много, но стоят они все в принципиальных пунктах изложения⁹. Неоднократно всплывает и соловьевский тезис о России как о стране, которая колонизируется. Ключевский упоминает «постоянное стремление государства, которого исторические условия принуждали двигать свое население все далее и далее на северо-восток, занимая и колонизируя пустынные пространства северо-восточного угла Европы и Средней Азии»¹⁰.

Все эти соображения не позволяют согласиться с М. Н. Покровским, расценивавшим «Сказания» В. О. Ключевского как книжку «чисто описательную, не стремящуюся ни к каким обобщениям»¹¹. Обобщения, конечно, в ней были. И прежде всего ими являлись устоявшиеся положения историко-юридической школы, повторенные молодым исследователем с полным убеждением в их правоте. Но рядом с ними пробивались и новые мысли, еще не включившиеся, однако, в его основную схему — о значении экономических явлений.

При характеристике самодержавия молодой автор, подробно приводя десятки ярких конкретных черточек облика царя, приемов послов, пиров, застольных речей, поведения, обычаев царя и его двора, также останавливается на процессе централизации самодержавного государства, стягивающего к себе земли, и на стремлении страны к «расширению своих пределов». Вопрос о классовом существе самодержавия не ставится, так как идеалистическая концепция историко-юридической школы и не требовала этого. Считалось, что проблема власти характеризовалась «изнутри» (централизация) и «извне» (расширение пределов) — этого было достаточно. Вчитываясь в строки общих положений о самодержавной власти в России, можно все же заметить некоторые черты новизны в своеобразно-«демократических» оттенках обобщения: автор иной раз сопоставляет (отрицательно) московское управление с «демократическими порядками» и с критерием буржуазного «правового государства» — то, что до конца жизни останется существенным элементом концепции Ключевского. В этой связи упоминание о «страшном образе Ивана IV» носит уже не «карамзинский» характер¹². Анти-самодержавная тенденция слегка сказывается уже в этом студенческом произведении: иностранец никак не мог понять, «дикость ли народа требует самовластия или от самовластия народ так одичал и огрубел»¹³, — сам же автор, видимо, склонялся к последнему (это чувствовалось между строк). Термин «классы общества» иногда также появляется; «не все классы общества имели одинаковое значение перед законом, по крайней мере, в его приложении: показание одного знатного,

⁸ В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пгтр. 1918, стр. 125, 126, 127, 151, 152, 162, 171, 173, 207, 211, 223 (в дальнейшем цитируется это издание).

⁹ Там же, стр. 114, 141, 149, 151—152, 333.

¹⁰ Там же, стр. 31, 197, 198, 201—203.

¹¹ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов. Вып. II. М. 1933, стр. 199.

¹² В. О. Ключевский. Сказания..., стр. 85, 123, 128, 149, 172.

¹³ Там же, стр. 81.

по словам Герберштейна, имело больше силы, нежели показания многих простолюдинов»¹⁴.

Мысль об отсталости России по социальным ее формам в сравнении с Западной Европой также присутствует у автора. Иностранцы полагают, что в Западной Европе многое «лучше», более цивилизованно, чем в Московском государстве. Ключевский, хотя и стоит в общем в это время на «западнических» позициях, понимает данный вопрос глубже: по мерке западных государств «Московия, разумеется, оказалась далеко не состоятельной», но иностранные путешественники ошибочно приписывали дряхлости и известному упадку признаки, свойственные молодости страны, «недостатки неразвитого молодого государства объясняли причинами, которые действуют в государствах, изжившихся и дряхлеющих. Эта неправильная точка зрения не позволяла им видеть именно ту сторону государства, которая могла дать более простое и естественное объяснение многих явлений, так неприятно поразивших в нем наблюдательного европейца»¹⁵. Русские тех веков, по мнению Ключевского, еще были в такой весьма первичной стадии развития, что даже не могли познавать себя сами, не имели якобы даже потребности «обсудить свое прошедшее и настоящее, разобраться в грядущем, что сделано в продолжение веков». Он считал, что Россия того времени еще не могла себя наблюдать, а наблюдали иностранцы! Тут, несомненно, сказывается усвоение молодым автором устоев гегельянского учения о стадильности самосознающей себя идеи и симбиоз его с органической теорией Спенсера о прохождении народов через человеческие «возрасты»¹⁶.

Таким образом, в первой монографии Ключевского при сохранении ряда положений историко-юридической школы есть уже и немало индивидуальных исследовательских черт, говорящих о его продвижении вперед: интерес к демократическим формам государственной жизни и признание их преимуществ, нащупывание пути к понятию «общественных классов». Следует отметить особое внимание к экономической теме, что позже пленило в этой работе М. Н. Покровского, который советовал знакомиться со «Сказаниями иностранцев о Московском государстве» всем историкам-марксистам. Но при всем этом нельзя забывать, что сельское хозяйство берется в работе Ключевского вне проблемы труда земледельцев, крестьян. Нигде в книге не выделен вопрос об их зависимости от господ, о крепостном праве — это даже удивительно для эпохи 60-х годов XIX века. Ключевский, думается, сознательно обходил эти вопросы в своем сочинении, так как они имели во второй половине десятилетия опасную остроту. На этом примере наглядно видно, что уже тогда Ключевский писал не все то, что думал.

Нет у Ключевского и проблемы города, понимаемой с социальных позиций; город он рассматривает не как социальную проблему, а лишь с внешней стороны и опять-таки «глазами иностранца». Пожалуй, единственным теоретическим вопросом городской жизни для Ключевского (в согласии с С. М. Соловьевым и Б. Н. Чичериным) является в этой работе вопрос о падении «вечевых» и подъеме «великокняжеских» городов¹⁷. Выделенная им тема о торговле уже была знакомой исторической литературе до «Сказаний иностранцев». Возникновения темы рынка автор не замечает; для него «рынок» — как бы постоянная, извечная деталь городской жизни, стабильный ее элемент¹⁸. Однако это одна из особо насыщенных яркими фактами глав — изложение здесь подробное, написана она со вкусом и охотой. Ключевский заканчивает свою работу, как уже говорилось выше, экономическими темами. Но и тут

¹⁴ Там же, стр. 146.

¹⁵ Там же, стр. 174.

¹⁶ Там же, стр. 7, 107, 174.

¹⁷ Там же, стр. 213—214, 217—218.

¹⁸ Там же, стр. 252—302.

он признает приоритет государства как силы, творящей историю. Так, города возникают в России не из экономических потребностей, «но вследствие государственных соображений»¹⁹. Любопытен случайный характер последовательности разбираемых экономических явлений: сельское хозяйство, добыча металла, садоводство, огородничество...²⁰.

Народа, как темы, в этой работе Ключевского пока нет. Изредка описывается лишь толпа, встречающая иностранных гостей на московских улицах. В этом разрезе идеология шестидесятников не «проросла» в первом научном произведении молодого историка, хорошо знавшего о проблеме народа как таковой и немало думавшего над нею, что видно из его дневников.

Вчитываясь в текст «Сказаний иностранцев о Московском государстве» с позиций перспективы дальнейшего роста историка, замечаешь зачатки будущих тем, которые тут уже научно осознаются им, а позже получат дальнейшее развитие. Ссылка (а ссылок в работе вообще мало, аппарат скуден) на житие Стефана Пермского, использованное как свидетельство о направлении путей сообщения и о связи Пермской земли с центром страны, говорит о том, что автор труда «Древнерусские жития святых как исторический источник» задумывался над житиями еще во время работы над студенческим сочинением²¹. Привлекают страницы, посвященные вопросу о Боярской думе. Тут автор исследования о ней формулирует целую концепцию эволюции этого учреждения в плане перехода «от дружинного порядка к чисто государственному», — перед нами один из зародышей будущей точки зрения и результат размышлений над сложной темой, привлеченной еще в студенческие годы внимание Ключевского²². Трактовка поместной системы и исторической эволюции дворянства перекликается даже с «Курсом русской истории». Чувствуется, что тут источник — свидетельство Флетчера — приковал исследовательское внимание к важной теме; хотя концепции, которая возникнет позже, здесь еще нет, но сама тема уже ясно осознана²³. Наконец, последняя глава «Сказаний» — «Монета» — содержит эмбрион замысла статьи о русском рубле, которая будет опубликована почти через 20 лет (в 1884 г.) и послужит славе Ключевского²⁴.

Критика используемых текстов также далеко не сильная сторона первой работы Ключевского. Он упоминает о необходимости пользоваться текстом иностранцев разборчиво и осторожно, знает, что верить всему нельзя и надо бы по мере возможности проверять источники памятников, однако нередко как бы забывает об этом и оперирует фактами, явно возбуждающими сомнения. Так, он некритически повторяет сведения о численном составе русских войск, применяя даже выражение, что «при Маржерете» их было столько-то, «при Невилле» — столько-то, а «по показанию Мейерберга», стрельцов в Московском государстве было до 40 тыс., ни словом не оговаривая, можно ли доверяться цифрам, которыми иностранцы и не могли располагать, — они базировались более всего на слухах или на приблизительной устной информации. Попыток проверить эти цифры по русским источникам или хотя бы оговорок по этому поводу у Ключевского нет. Без комментариев он повторяет мнение иностранца о том, что русские войска будто бы «не выдерживали долгой схватки»; ироническое замечание Герберштейна о том, что русские воины как бы говорили врагам «бегите, или мы побежим», также не вызывает его критики²⁵. Сомнения в справедливости сви-

¹⁹ Там же, стр. 251.

²⁰ Там же, стр. 190.

²¹ Там же, стр. 258.

²² Там же, стр. 126—127.

²³ Там же, стр. 112 и сл.

²⁴ Там же, стр. 308.

²⁵ Там же, стр. 95, 106.

детельств иностранцев вообще редки, несколько чаще встречаются они во второй половине монографии. Но и тут лишь иногда приводятся опорные данные для проверки. Так, Ключевский, считая неверным мнение Олеария о том, что в Московском государстве было более тысячи кружечных питейных дворов, где продажа пива, меда и водки была исключительным правом казны, пишет, что это сообщение «нельзя принять и за приблизительное»²⁶. Редкими сопоставлениями с Котошихиным, собственноручно, исчерпываются данные, взятые автором для проверки свидетельств иностранцев²⁷, хотя документы подчас сами наталкивают на другие источники. Так, Ключевский цитирует текст, свидетельствующий о том, что в книге Авриля была использована подлинная географическая карта, составленная в «Московской канцелярии» («tirée de l'original de la chancellerie de Moscou»), но не пытается добраться до упомянутого подлинника и произвести сопоставление²⁸. Даже когда Ключевский дает примечание, поправляющее приводимые Маржеретом размеры выти (русской земельной меры), он не делает ссылок на русские источники. Излагая своими словами мнение Флетчера, он не подбирает русских терминов и пишет без оговорок: «Дела, решенные на соборе, дьяки излагали в форме прокламации...»²⁹.

Таким образом, признанная ранее автором необходимость критического подхода к свидетельствам иностранцев, которые не все знали и кое-что «криво» видели, в значительной мере остается нереализованной. Вероятно, это происходило более всего в силу того, что и способов научной проверки у Ключевского было тогда мало, а времени еще меньше.

Однако все сказанное не исчерпывает вопроса об историографическом значении первого исследовательского труда молодого Ключевского. Нужно принять во внимание общее состояние исторической науки того времени и исходя из этого оценивать вклад, сделанный в нее сочинением Ключевского. Это была первая на русском языке работа, посвященная тематическому анализу важных и во многих случаях недоступных или даже вообще неизвестных исторических памятников, ценных по богатству и яркости содержащихся в них фактов. Труд Мейнерса оставался непередаваемым, а к половине XIX в. и устарелым по концепции, работа Ф. Аделунга являлась чрезвычайно специальной и незаконченной. Сочинение Ключевского полнее охватило материал, чем упомянутые авторы. Такие памятники, как записки С. Берроу, Г. Ланнуа, Михалона (Литвина), Р. Джонсона, Т. Саутама, Д. Спарка и некоторые другие, им привлеченные, были почти неизвестны и не использованы. Ключевский сосредоточил и прекрасно систематизировал в своей работе множество новых фактов, живо и художественно изложенных, в основном с позиций передового западника.

Заботливо сохраняя всю конкретную прелесть свидетельств, богато насыщая изложение красочными деталями, Ключевский показал себя уже в первой работе мастером слова. Это были еще его первые шаги, но тогдашний читатель сразу же заметил их. Яркость художественного изложения была тогда новостью в исторической науке. Когда-то литературная форма Карамзина удивила и пленила русского читателя, но после этого прошло чуть ли не полвека. М. П. Погодин и С. М. Соловьев были довольно трудны для чтения. А тут большой круг людей получил историческое сочинение, не просто литературно приукрашенное, как у Карамзина, а мастерски написанное молодым ученым на строгой основе конкретных данных первоисточников. Эпоха требовала ново-

²⁶ Там же, стр. 34.

²⁷ Там же, стр. 136, 138, 144, 147, 162, 167 (примеры проверки свидетельств).

²⁸ Там же, стр. 106.

²⁹ Там же, стр. 128.

го, живого слова. Тяжелой, сложно построенной фразе с витиеватыми придаточными предложениями Ключевский в «Сказаниях» противопоставил легко построенную, недлинную фразу, скромное количество лаконичных придаточных предложений (чаще всего единичных), меткий, точный эпитет, а главное — бережное сохранение дыхания и колорита старинных подлинников. Верить себе на слово он не просил, щедро отдавая читателю россыпи фактов, слагавшихся в цельную картину и говоривших за себя. Цитатами он не злоупотреблял, но коротко, ясно, как бы «от себя» передавал западавшие в память красочные свидетельства, звучавшие голосами очевидцев. Вот образчик емкости и простоты его стиля. Казна, пишет он, «посылала также в Архангельск огромное количество мехов, пеньки, льна, обменивая их там на шелковые ткани, бархат, парчу, сукно и другие заграничные товары. На московских рынках продавались мясо, орехи, яблоки и холсты, принадлежавшие казне... торговцы и торговки громко зывали к себе покупателей, крича, что это — царские товары»³⁰. Приведенный перечень товаров исторически точен и в то же время создает как бы зримый образ конкретного товарообмена. Но, если заменить реальный перечень безжизненным обобщением («разнообразных товаров»), исчезнет выразительность фразы, испарится ее чуть иронический оттенок (орехи, яблоки и холст как «царские» товары!) и пропадет торговка, веселым криком собирающая народ. Русских бояр, пишет Ключевский, на приемах посла украшала «длинная до пят одежда (ферезь), которую иные за неимением своей брали на этот случай из государевых кладовых»³¹. Определение «длинная» уточнено здесь выразительным «до пят», и оттенок веселой иронии опять проблескивает в упоминании об одежде, взятой «взаймы» из царских хранилищ. Тут же рождается и законченный внутренний ритм, присущий будущей прозе Ключевского, — отчетливое соответствие структуры фразы естественному дыханию читателя, звуковая перекличка соседних слов («государевых кладовых») ... Нет-нет да и промелькнет «разночинское» словечко из пензенского говора, не очень закономерно трактуемое автором как общепонятное: ловкие английские купцы действовали соединенными силами и «русские торговые люди не могли *стануть с ними...*»³². Встречается и глагол «зевать» в смысле громко и зряшно кричать (распространен и сейчас в Поволжье). Не обошлось без «семинарской» иронии по части питания: «казалось, мордва спокойно жила в далеких густых лесах, погруженная во мрак идолопоклонства, и никто не давал себе труда извлечь ее из него, но вот и к ней проникает влияние соседнего народа: «накануне Николина дня мордва пьянствовала, как и москвитяне...»³³.

При определении историографического значения научного произведения важно установить его место в исследовательском росте самого ученого. Надо признать, что за год студентом Ключевским была проделана огромная работа, и она не ограничивала исследователя узкими рамками избранной проблемы, не закрывала от него высокими отвесными стенками широкий мир соседних явлений, а, напротив, влекла его туда. По собственному признанию, он работал 16 часов в сутки. Рассматривая записки иностранцев, молодой историк сумел подойти к ним все-сторонне, изучал сразу многие разрезы исторического процесса: политику и обычаи московских царей, сложный придворный церемониал, московское войско, управление страной, ее суд, ее казну, ее доходы, ее народонаселение, природу, города, торговлю, монету. Многие стороны исторического процесса прослеживались им в тесном переплетении на протяжении по меньшей мере трех столетий, в том числе XVII в.,

³⁰ Там же, стр. 169.

³¹ Там же, стр. 60.

³² Там же, стр. 289.

³³ Там же, стр. 212.

которому (хотя отнюдь не исключительно, как считается обычно) историк в будущем отдаст так много исследовательского внимания.

Появление талантливого произведения было сразу замечено: не успела академическая печать в «Ученых записках» Московского университета частями опубликовать «Сказание», как Общество распространения полезных книг поспешило переиздать его в том же 1866 г. отдельной книгой под серийным заглавием «Московское государство по описанию иностранцев XVII—XVIII веков», а далее на титуле: «Сказания иностранцев о Московском государстве», сочинение Василия Ключевского».

Встреча молодого историка со своими первыми читателями прошла, таким образом, с успехом. Но что касается автора, то он был весьма самокритичен и восторгов не выражал. «А книжонки моей до сих пор не достал: вчера только узнал, что назначенные мне экземпляры валяются где-то в университетской типографии», — пишет он Порфирию Гвоздеву, «любезному свату и куму» 22 января 1867 г. (а книга вышла в 1866 г.!). Только в феврале 1867 г. «милейший Порфирий» читает строки друга: «Книжонку свою из типографии исправил» (письмо от 9 февраля); а 16 февраля более подробно и с оценкой: «В состав вязанки, сшитой нежными ручками, входят... десять экземпляров моего недопеченного печенья. Раздай их по надписям и при этом держи речь на тему, что об ученических писаниях, как о мертвых, *aut bene aut nihil*, т. е. читать их не следует»³⁴. Конечно, дело тут не только в скромности и в иронии автора. В каких-то отношениях, — а в каких, мы так от автора и не узнаем, — первая книга не вполне удовлетворяла его.

Весь тираж быстро разошелся, но сколько ни просили потом издателя, Ключевский отказывался переиздавать свою первую работу. Лишь после смерти историка Я. Л. Барсков нарушил его волю, переиздав в 1918 г., уже при Советской власти, эту первую «пробу пера», и, надо сказать, к удовольствию читателей. В некрологах, и особенно в кругу, где рождалась «каноническая» академическая оценка историка, к «Сказаниям» относились в общем благосклонно, но мало замечали их³⁵. Научное значение «Сказаний» было признано лишь в советской историографии, когда на них обратил внимание М. Н. Покровский, а за ним и его ученики, оценившие богатство экономических свидетельств, систематизированных в этом произведении.

Сейчас же вслед за «Сказаниями иностранцев о Московском государстве» в издании того же Общества распространения полезных книг появилась еще одна малоизвестная работа В. О. Ключевского, обычно забываемая в перечне его произведений и нигде не упоминаемая в его переписке (ее разыскал А. А. Зимин). Это главы о России, приложенные к русскому переводу популярной книжки П. Кирхмана «Geschichte der Arbeit und Sittig», переведенной К. Розенбергом под заглавием «История общественного и частного быта» (вышла в свет в 1867 г.). Подзаголовок «Чтение в школе и дома» говорил о популярности издания.

³⁴ В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, стр. 131, 134.

³⁵ Критические ноты в оценках «Сказаний» звучали — и довольно резко — вне академического «канона». П. П. Смирнов, чью работу о Ключевском напечатал специальный военный журнал, критиковал «Сказания»: Ключевский «разорвал» все памятники на кусочки по полочкам, «им самим заранее придуманным». Ни об одном авторе-иностранце «нельзя вынести никакого представления». Однако тот же Смирнов положительно оценивал некоторые стороны книги, в том числе считал ее достоинством сосредоточение внимания на экономических вопросах (П. П. Смирнов. В. О. Ключевский. «Военно-исторический вестник», 1912, № 2, стр. 71). Этот же автор подчеркивает следующую ценную сторону «Сказаний иностранцев о Московском государстве» В. О. Ключевского: в то время как его предшественников интересовал лишь вопрос, что именно один иностранец в своем «сказании» позаимствовал у другого, Ключевского интересуют более существенные вопросы; в их числе на первом плане свидетельства об экономическом развитии России (там же, стр. 83.)

Книжка состоит из пяти крупных отделов: А. Пища, В. Жилище, С. Одежда, Д. Утварь, Е. Оружие и Ф. Обмен произведениями. Каждый из отделов делится на подотделы, а те на еще более мелкие конкретные параграфы, число которых в каждом отделе неравномерно. Так, в подотделе «Напитки» есть рубрики: молоко, вино, мед, пиво и квас, водка, чай и т. д. В отделе «Жилище» имеются лишь подотделы: постройки, окна и стекла, печи и трубы,— уже без более мелких рубрик; в отделе «Обмен произведениями» лишь один подотдел: «Торговля и монеты». Каждая из этих частей начинается переводным текстом Кирхмана, посвященным всемирно-историческому материалу, преимущественно по Западной Европе. За ним следует органически введенное в текст освещение того же вопроса на русском материале, это и есть авторский текст В. О. Ключевского. Книжка не так велика — в ней 250 страниц, из которых Ключевским написано 118 — почти половина³⁶. Всего ему принадлежит 30 текстов, посвященных отдельным темам. В начале книжки первый текст выделен в особую главу — «Земледелие в России», далее же (с 27 по 96 стр.) текст Ключевского чаще всего вплетен в перевод Кирхмана, без оговорок, но легко отделяется от него русской тематикой, которой у Кирхмана нет. Начиная с рубрики «Образ еды» текст Ключевского выделен в особые главы, носящие свои названия, например, «Столовая посуда у русских», «Строительное дело в России», «Обработка овечьей шерсти в России», «Обработка льна и конопли в России» и т. д. Таких особых глав, принадлежащих Ключевскому, в книжке 15. Некоторые из них относительно велики. Так, «Строительное дело в России» и «Горное дело в России» занимают по 12 страниц каждая. Возможно, что предпосланное книжке неподписанное «Предисловие от издателей», уместившееся всего на двух страничках, написано совместно Ключевским и К. Розенбергом (переводчиком). Оно чрезвычайно любопытно по содержанию и отразило некоторые идеи 60-х годов XIX века. В этом предисловии говорится, что история, конечно, уже заняла свое место в общем школьном обучении, «но какая история? Не та, которая трудом и напряжением духовных сил людей подготовила мирную житейскую обстановку, неразлучно сопутствующую жизни каждого, а история разнузданного честолюбия и кровавых деяний, имевших очень слабое и посредственное влияние на обстановку, в которой постоянно вращается учащийся!» Надо признать, что эта формула в корне противоречила официальным установкам. Как же воспитать граждан, «одушевленных мирными, духовными стремлениями»? Необходим «второй отдел» исторического преподавания — история культуры. Если история государства возбудит в ученике желание стать великим полководцем или государственным человеком, то пусть история культуры пробудит стремление стать деятелем на ином поприще, где он будет не «страдательным членом» общезнания, а получит «высокое значение двигателя человеческого общества»³⁷. Далее издатели сообщают, что они нашли полезным, держась программы Кирхмана, все же «присоединить к его изложению некоторые сведения, касающиеся нашего отечества».

³⁶ «История общественного и частного быта. Чтения в школе и дома». Соч. П. Кирхмана. Пер[евел] К. Розенберг. Допол[нил] В. Ключевский. Ч. I. М. 1867. Ключевский, вероятно, начал работать над текстом, включенным в книгу Кирхмана, в середине 1865/66 г., когда уже была закончена работа над «Сказаниями иностранцев о Московском государстве» (ср. А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX века. «Исторические записки». Т. 69. 1961, стр. 189). Подсчет общего объема текста Ключевского в книге Кирхмана произведен мною. В. О. Ключевским написаны стр. 20—27, 29—30, 34—35, 38, 39—40, 42—44, 45—48, 51—53, 57—58, 59—60, 63—64, 68, 70—71, 75—77, 81—83, 89—90, 97—104, 114—126, 131—135, 137—141, 145—150, 153—157, 157—163, 168—176, 181—183, 187—193, 198—210, 214—219, 232—236, 244—250.

³⁷ П. Кирхман. Указ. соч., стр. II.

Дополнения их не имеют желаемой «полноты и стройности», но причиной этого является «скудость русской литературы по культурной истории России, особенно за последние полтора столетия».

Несмотря на эту оговорку, несомненно исходившую от самого Ключевского, его тексты надо признать гораздо лучшими, нежели главы П. Кирхмана. Ключевский провел большую предварительную работу, собрал немало материала непосредственно из первоисточников, дал краткие характеристики производств — текстильного, «металлического», горного дела в России. У него нет ссылок на божественное провидение, встречающихся у Кирхмана, или поверхностных рассуждений о природенных вкусах и обычаях народов. Текст Ключевского насыщен фактическим материалом, конкретен. Для характеристики древнего славянского сельского хозяйства он привлекает «Русскую Правду» и летопись, а также жития святых (Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и др.), что получает особый интерес в свете его дальнейших исследований³⁸. Собирает Ключевский для этих очерков и археологические данные: встречаются ссылки на раскопки курганов, упоминаются древние орудия. Археологическими данными доказывается древность земледелия вокруг Москвы. Земледелие признается древнейшим занятием населения Киевской Руси. Конечно, современный читатель воспримет эти очерки Ключевского как устаревшие по материалу и не соответствующие нашим теперешним научным представлениям (Ключевский утверждает, например, что до XIV в. нет известий о сохе и что даже в XVI в. отсутствовали железные сошники — соха была «вся деревянная» и т. п.). Эти утверждения вызвали возражения ученых и того времени. В моем распоряжении была книга П. Кирхмана из библиотеки И. Е. Забелина; слова о том, что русские «еще до Владимира» разводили овец, но главным образом для мяса, «и мало обращали внимания на шерсть», подчеркнуты владельцем книги, крупным знатоком археологии своего времени. На полях синим карандашом Забелин написал возражение: «ножницы в курганах»³⁹. Но как бы критически мы ни отнеслись к этому раннему тексту Ключевского, историографически он очень примечателен. Ключевского интересует вопрос о развитии производительных сил и об экономике древних времен. Это ново для историка России. Интерес этот — дань научным веяниям 60-х годов XIX в., проникновению в науку материалистических воззрений, их воздействию — не остался бесследным и в дальнейшем творчестве Ключевского.

³⁸ Там же, стр. 21, 22—25, 29—30, 35, 89.

³⁹ Там же, стр. 22, 57, 83; замечание И. Е. Забелина «ножницы в курганах» на стр. 131 (на книге штамп Забелина).